

Ч

У

Д

А

Б

ЧЕХОВСКИЙ

РЕГИСТРАТУРА

В. МАЛАХОВСКИЙ

СОРЕВНОВАНИЕ МЕЖДУ КЛАССИКАМИ

ЧЕХОВ: — Николай Васильевич, я, кажется, проиграю вам соревнование... Смотрите, сколько ваших персонажей живы до сих пор!.. Вон — переодетый городничий Сквозник-Дмухановский, вон — Держиморда в толстовке, вон Ляпкин-Тяпкин с вечным пером в кармане... ГОГОЛЬ: — Чет, Антон Павлович, скорее вы победите в нашем соревновании: вашим «человекам в футляре» тут и счета нет!

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

И долго еще мне идти об руку с моими странными героями.

Н. В. Гоголь.

В истории литературы мерцает нежное пенснэ. Это пенснэ — лирическое и улыбающееся. Это ласковое пенснэ Чехова. На портретах у Чехова пенснэ кажется несколько дымчатым, как стекло осенью. Сквозь такое пенснэ мир должен выглядеть несколько проптически и затуманенным грустью.

Чехов был близорук. Но он был дальнорук.

Сидя в далеком райке девяностых годов, он сквозь бинокль гениальности видел ничтожных героев, которые будут поигрывать свои роли на сцене нашей эпохи.

«И долго еще нам идти об руку с его странными героями».

Антон Павлович Чехов очень любил описывать мелких людей, густо осыпавших, как веснушки, лицо жизни. Чехов — Гомер ничтожества.

Один из его любимых персонажей наряду с врачом, телеграфистом, фельдшером — пожарные, начальники станций, железнодорожные чиновники.

Это — типичные чеховские персонажи. От этих своих излюбленных героев Чехов мог бы и в наше время узнать не мало забавных историй, которые послужили бы замечательным материалом для гениального чеховского мастерства.

Для углубленной самокритики Чехов необходим, как дефицитный товар.

Пожарные, неоднократно анатомированные писателем чеховым, — воинственная порода людей. Рассказывают, что в одну из пернотайских манифестаций пожарная часть выехала с лозунгом: «Мы на горе всем буржуам мировой пожар раздуем». Замечательный парадокс! Противоречие эпохи, судари мои!

Этот лозунг, если бы его подслушал Чехов, наверняка очутился бы в его записной книжке, — в этом аквариуме причудливых фамилий, в гербарии засушенных наблюдений, в парнике благоухающих метафор.

У брига-майора города Себежа даже фамилия чеховская — Времячков. И страсти, одолевшие этого человека, тоже чеховские — больше всего в жизни Времячкова любит охоту на глухарей. В то время, как зимой его характер нежен, как флирт горлицы, — весной он становится бурным, как совокупление львов.

Весной, когда над полями жестяными голосами кричат вальшнепы, и солнце на золотых ходулях лучей ковыляет высоко над землей, — Времячков вместе с председателем себежского горсовета Мишачевым, нарудней и свитой прочих ответственных работников собирается на охоту.

Пожарные лошади выпрагуются из воинственных пожарных колесниц и выпрагуются в дивильные коляски и доброезжие брички на пружинном ходу. Ответственный кортеж с рогатами и атлантами через плечо седлает полновесных и мухортых коней в подпалы и аблоках и с удачными песнями движется к лесу. Вместо пожарных лестниц, шланг и насосов лошади везут напильники, закусоны, частопробный пенник в серебряных штофах, чухонский респиратор и бургундское по себежски.

А пока отцы города охотятся на пожарных лошадях, в городе дарит напряженное волнение и тревога. Почти все присутственные места не работают вследствие отъезда руководящих товарищей на предмет поимки глухарей в порядке социалистического соревнования. Ну, а жители наглядно, до озноба, представляют себе, — что если загорится один из себежских деревянных домов, то тушить пожар придется не иначе, как следами самих погорельцев.

Иногда и в самом деле случается кара — другая пожаров. Тогда дома горят, как сухой трут, как торф в августе, пожарные сидят у распряженных повозок и рассказывают друг другу анекдот из времён пожара Москвы в 1812 году. Пока горит дом, они после долгих дискуссий приходят к выводу, что Наполеон был великим полководцем, но бездарным брига-майором.

Пожарные преспокойно беседуют, брига-майор Времячков преспокойно охотится на глухарей, дома преспокойно горят, погорельцы преспокойно рыдают.

Разве можно, товарищи, усомниться в том, что, услышав эту историю из советских будней, — Чехов обмякнул бы весло ручки в зеленую тину чернил и поплыл бы на плоту, сколоченном из бревен грусти и подбитом гвоздями пропции, по тихой реке повествования. Протирая пенснэ и покашливая, он рассказывал бы человечеству о пагубной страсти брига-майора Времячкова к глухаринной охоте.

Но вероятно еще вдохновеннее он поведал бы о ниже-следующем случае, который представляется настолько чехов-

ским, что кажется, будто жизнь совершила паглый плагиат из произведений Антона Павловича.

По Балтийской дороге в Ленинград шел товаро-пассажирский поезд, вальсируя на стрелках и вихляя красными бедрами, как папуаска. Он как бы стремился догнать рельсы, убежавшие впереди него.

В товаро-пассажирском поезде ехали доски и бухгалтер, корница и командир запаса, азбест и понадея, плуги и убийца, нефть и дрогист, оптические приборы и беременная женщина, мороженная треска и лицо без определенных занятий. Это был электический табель грузов и пассажиров.

Поезд мчался со страшной быстротой, как мысли в мозгу утопающего человека, — свистя железными бронхами, работая шатунами. И вдруг, у разезда Несмеоло, машинист увидел красный огонь на семафоре. Красный огонь — опасность, крушение, разбитые рельсы.

Сматенный машинист сведенной от волнения рукой нажал на все тормоза. Со страшным грохотом поезд остановился на полном ходу. От толчка оторвался задний вагон, и буфера на многих вагонах смались, как студень. Чеголаны полегли с полком на головы пассажиров. Внезапный толчок ранил многих, ударив их об стены и окна. Сонные и испуганные люди разбавали стекла и выбрасывались из окон. В ночной темноте, растворявшей и деформировавшей лица, творилось нечто, напоминавшее истинную трагедию.

И когда машинист, сияя лихорадочными глазами, побежал на полустанок узнать, что произошло, — где крушение, где горит, — сонный телеграфист лениво сообщил ему:

— У нас в Несмеоло, видите-ли, пивная закрывается в одиннадцать часов. А в Гатчине торгует до часу. Так вот начальник разезда, товарищ Ярлыков, присидев в пивной до закрытия, уехал с приятелями на дрезине в пивную, в Гатчину. А так как на дрезине можно ездить только по свободным путям, когда не идут поезда, то он и велел зажечь красный огонь, чтоб проходящие поезда подождали его возвращения. Не извольте волноваться — надо полагать, он скоро вернется. Пару бутылочек выпьет, с друзьями потолкует и — обязательно вернется...

Нам не известно, когда вернулся начальник разезда из гатчинской пивной. Но поезд пришел в Ленинград с опозданием на восемь часов, с разбитыми стеклами, с ассортиментом поломок и проч.

Таков этот случай, как бы развально списанный халтурщицей-жизнью со страниц Чехова.

Один из злоязычных шептунов от литературы, трасующийся в расхлябанном шарабане в обозе невероятного нашего века, — назovem его, допустим, Эуген Размятин, — сказал, ехидно усмехаясь:

— Если бы Чехов жил в наше время, то он наверняка служил бы врачом в поликлинике Завотдела и получал бы по какому-то разряду тарифной сетки.

Прония Размятина пошла мимо цели. Неправда, Размятин! Если бы Чехов был жив, то он наверняка был бы членом, полным членом, членом пафса. Кто знает, может быть, он был бы членом редакционной коллегии журнала ЧУ-ДАК и после веретки номера играл бы в шахматы с Толстоеским.

Но так или иначе, Чехов эмигрировал в небытие. Двадцать пять лет тому назад закатился его прозрачные глаза. Двадцать пять лет... Срок разлуки... Срок серебряной свадьбы...

И в Ялте какая-то божья старушка показывает его комнаты и вещи, принадлежавшие ему.

— Вот это — ручка, которой писал Чехов. Вот это — кресло, в котором он сидел. Вот это — бумага, которую он предпочитал. Вот это — комната с видом на море, в которой Чехов предавался отдыху.

Все это очень приятно и пленительно. Вещи хранят память об их обаятельном хозяине. Но, все-таки, гуляя по этим комнатам и глядя на эти вещи, хочется сказать, перефразируя слова Маяковского о Хлебникове:

— Заботы о наследии мертвого Чехова — хорошая вещь. Но, во имя мертвого Чехова — увеличим заботы о живых Чеховых. Нашей эпохе до смерти, до зарезу нужны живые Чеховы с их не мертвящей, но оплодотворяющей пропцией и пропикающим, как щелок, в глубь жизни взглядом.

Бумагу — живым Чеховым! Ручки и перья — живым Чеховым! Письменные столы — живым Чеховым! Хлеб и отдых — живым Чеховым!

Тур